

Роман Поланский: мое первое русское слово — «кушай»

Кашшеринг. — 2003 — 7 мая — с. 13.

ВИЗИТ КИНО

В Москве прошла премьера фильма Романа Поланского «Пианист», увенчанного французской Золотой пальмовой ветвью Каннского фестиваля и американскими «Оскарами». На премьеру в Москву приехал сам **РОМАН ПОЛАНСКИЙ**.

С ним побеседовал обозреватель „Ъ“ **АНДРЕЙ ПЛАХОВ**.

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ

Господин Поланский после первой ночи, проведенной в Москве, выглядит усталым, но терпеливо отвечает на все вопросы журналистов, собравшихся в редакции «Аргументов и фактов», почти наверняка зная, что среди них не будет бестактных. Даже самые большие невежды в журналистском цехе осведомлены о некоторых табу, которые предполагают публичное общение с этим легендарным человеком трагической и триумфальной судьбы, еще недавно бывшим persona non grata в Америке и там же усыпанным «Оскарами».

За ужином он наизусть читал «Евгения Онегина» и вообще владеет русским совсем неплохо для человека, который изучал этот язык в школе больше чем полвека назад и с тех пор почти не практиковался. Он перескакивает с английского на французский и польский и поддерживает свой имидж, предлагая «выпить водки», и на вопрос журналистки, как он собирается проводить время в Москве, говорит: «Give me your telephone». Но больше всего оживает, когда речь заходит о «Пианисте» и пробужденных им военных воспоминаниях.

— В начале своей карьеры вы сыграли в «Поколении» Анджея Вайды — одном из первых правдивых фильмов о войне. Сегодня Вайда собирается снять кино про Катень, а вы впервые обратились к теме холокоста. Это возвращение к началу?

— Невероятно, это невозможно было представить еще несколько лет назад, что Польша и Россия вместе снимут фильм про Катень. Хотя принято говорить, что история движется кругами, скорее она раскрывается, как маятник. Надо было достаточно сильно отдалиться от события, чтобы опять к нему приблизиться.

— Стивен Спилберг делает о войне оптимистические сказки, а Роберто Бенини даже снял эксцентрическую комедию о концлагере. Можно ли сказать, что вы сняли приключенческий фильм или фильм ужасов, то есть жанровое кино?

— Я хотел сделать кино под документ, но ни в коем случае не стилизацию. Конечно, мне был важен собственный военный опыт, но я предпочел снимать в варшавском гетто, а не в краковском, которое хорошо знаю и в котором происходит действие «Шиндлера». И здесь надо было отойти от воспоминаний как раз для того, чтобы к ним приблизиться. Книга Владислава Шпильмана оказалась идеальным материалом для этого, но 25 лет назад я бы еще не смог снять «Пианиста».

— После того как ваши родители попали в концлагерь, что было самым сильным потрясением для ребенка войны?

— Я жил в деревне в католической семье под боком у немцев, и это было лучшее место, где мог спрятаться еврейский мальчик, внешне больше похожий на поляка. Помню налет американской авиации и первых русских солдат, которым мои хозяева приготовили суп из гуся и который они уминали, не веря своему счастью.

Один говорил другому: «Кушай, кушай». Это было мое первое русское слово.

— Вы также дитя польской школы, ставшей вехой мирового кино в 50-е годы. Но потом стали космополитом, гражданином мира. Кто скорее может считаться вашим кинематографическим отцом — Вайда или Хичкок, с которым вас часто сопоставляли?

— Не могу сказать, чтобы особенно увлекался Хичкоком. Если уж выбирать из них двоих, то, безусловно, Вайда. В общем я, конечно, продукт польской школы. И когда меня спрашивали на протяжении этих лет, хочу ли я сделать в конце концов фильм в Польше, я всегда отвечал: хочу, вопрос только — когда.

— Вы легко проникали в чужие культуры — французскую, американскую и английскую: вспомним хотя бы картину «Тэсс», экранизацию романа Томаса Гарди. Но, похоже, на вас повлиял также Достоевский, и вы даже собирались ставить в кино один из его романов.

— Я рад, если вы почувствовали эту связь по моим фильмам. Но реальным русским проектом был для меня роман Булгакова. В связи с этим я впервые приезжал в Москву в конце 80-х годов, но потом продюсеры передумали ставить «Мастера и Маргариту». Второй раз я был у вас как актер с фильмом «Back in USSR», где играла также Наталья Негода.

— А русские советские фильмы? В ваших «Пиратах» есть злая пародия на «Броненосец „Потемкин“». Сегодня некоторые западные фильмы о войне, скажем, «Враг у ворот» Жан-Жака Анно, цитируют советскую классику 50-х годов. У вас не было такого искушения?

— Этот опыт давно во мне. И это не нуждается в прямом цитировании. Когда я учился в Лодзинской киношколе, мы смотрели немереное количество советских фильмов. Сначала это были монументальные монстры, как, например, «Падение Берлина». Потом появились такие изысканные, потрясающие фильмы, как «Летят журавли» и «Баллада о солдате». Мы изучали их буквально по кадрам, анализировали манеру съемки, монтажа, крупные планы и новаторские технические приемы. Мы мечтали о том, что настанет день — и мы тоже сможем так снимать.

— «Пианиста» уже показали в Петербурге, теперь предстоит его широкий прокат в Москве. Может быть, еще рано делать выводы, но ощущаете ли вы разницу между публикой двух наших столиц?

— Разница очевидна. Я доволен прошедшей в Москве пресс-конференцией: она прошла очень цивилизованно, и вопросы неглупые. Но зато в Петербурге другая атмосфера. Люди генетически чувствуют вкус разрухи и запах осажденного города.